Милена Смит (г.Ростов-на-Дону) **ИСПОВЕДЬ КНИГИ**

Здравствуйте, я – Анна Каренина. Не собственно Анна Каренина, а ее книжное воплощение, том первый. Москва, издательство «Художественная литература», 1982 год. Без определенного места жительства. Большею частию – книжные полки, кофейные столики, сумки. Портретная характеристика?.. Обложка – торопливый росчерк пера, надпись наискосок, тисненая золотом, – Лев Толстой. Корешок книги напоминает технику скани на окладах старинных русских икон.

Мое внутреннее содержание?.. Вы же, наверное, читали. Только, знаете ли, у меня иногда бывают провалы в памяти – какие-то проказники выдернули страницы с восемьдесят восьмую по девяносто пятую, но меня это не сильно тревожит – ведь я знаю всю книгу от первого до последнего печатного знака, хотя, конечно, было больно и оскорбительно испытать на себе подобное действие. Разумеется, возраст сказывается, – события, разворачивающиеся на страницах с восемьдесят восьмой по девяносто пятую, постепенно теряют для меня четкую оформленность, подобно полотнам, темнеющим от времени, где с каждым годом силуэты и линии все менее и менее различимы.

Еще один мой отличительный признак – абрис Пушкина в уголке на странице двести четыре, напоминающий тот, что всегда красуется на первой странице «Литературной газеты». Откуда я знаю про «Литературную газету», спросите вы, если я ничего, кроме первого тома Анны Карениной, не читала? Объяснение простое – меня однажды

поместили по соседству с этой газетой, поэтому у меня была возможность свести с ней знакомство. Почему у меня на странице оказался профиль Пушкина – мне неведомо. Спасибо читателю, что это не какая-нибудь глупая рожица с рожками, а Пушкин – как-никак, хоть какой-то показатель читательского интеллекта.

Как и у всякой серьезной книги, у меня имеется излюбленный пассаж – сцена повторного сватовства Левина. Прости меня, читатель, если ты не согласен, но мне кажется, что она выписана Львом Николаевичем с особой глубиной и чувством. Ты только послушай:

«Он видел только ее ясные, правдивые глаза, испуганные той же радостью любви, которая наполняла и его сердце. Глаза эти светились ближе и ближе, ослепляя его своим светом любви. Она остановилась подле самого его, касаясь его. Руки ее поднялись и опустились ему на плечи.

Она сделала все, что могла, – она подбежала к нему и отдалась вся, робея и радуясь. Он обнял ее и прижал губы к ее рту, искавшему его поцелуя.

Она тоже не спала всю ночь и все утро ждала его. Мать и отец были бесспорно согласны и счастливы ее счастьем. Она ждала его. Она первая хотела объявить ему свое и его счастье. Она готовилась одна встретить его и радовалась этой мысли, и робела, и стыдилась, и сама не знала, что она сделает. Она слышала его шаги и голос и ждала за дверью, пока уйдет mademoiselle Linon. Mademoiselle Linon ушла. Она, не думая, не спрашивая себя, как и что, подошла к нему и сделала то, что она сделала».

– Пойдемте к мама! – сказала она, взяв его за руку. Он долго не мог ничего сказать, не столько потому, что он боялся словом испортить высоту своего чувства, сколько потому, что каждый раз, как он хотел сказать что-нибудь, вместо слов, он чувствовал, что у него вырвутся слезы счастья. Он взял ее руку и поцеловал».

Чудная сцена, не правда ли?

Я слышала, что существует и второй том Анны Карениной, но я не осведомлена о его содержании. Лишь смутно догадываюсь. Мне думается, что первая встреча Карениной и Вронского, ознаменовавшаяся несчастным случаем на станции, во многом определила их судьбу, и исход событий будет не весел. Но так хочется, чтобы я ошибалась…

Мой теперешний читатель – довольно апатичный молодой человек – уже прочел первый том. Читал без интереса, без наслаждения, небрежно перебегая с одной строчки на другую, будто это не «Анна Каренина», а скучная ежедневная газетенка. Так хотелось вырваться из его рук и настучать по голове! Не нравится – не читай, зачем ты мучаешь меня своими тусклыми глазами изо дня в день? Есть еще такие люди, которые читают классику не по внутренней потребности сердца, а лишь потому, что это – классика, и с ней непременно нужно ознакомиться, чтобы не выглядеть дремучим профаном в глазах других людей.

Признаться вам, очень не хватает в последнее время чутких человеческих рук. Все чаще и чаще меня бросают и швыряют. Вырывают страницы. Зачем они вам – пожелтевшие от времени, хрупкие, ломкие?.. Оставьте, слышите, оставьте мне хотя бы мои любимые страницы со сватовством Левина!..

Все. Нет их больше, дорогой читатель. Хорошо, что я их успела тебе процитировать, прежде чем их вырвали.

Недавно слышала, как вышеозначенный молодой человек сказал, что второй том он «скачает из интернета». Я у Толстого такого выражения не встречала, а ведь он был образованнейшим человеком своего времени. Кто такой этот ин-тер-нет? Там живут теперь книги? А их можно там потрогать? Ведь это самое страшное для книги – находиться в эмоциональном вакууме, не чувствуя тепла рук человеческих.

Да что же это такое творится?! Не смейте больше меня общипывать, я же вам не курица для варки бульона! Не смейте трогать мои страницы, мои дорогие страницы…

Память, память моя, не покидай меня!.. Я восстановлю тебя, Анна Каренина, я верну тебе жизнь! Минус двадцать первая страница, минус сорок четвертая, минус девяносто девятая – Боже, остановитесь, не трогайте меня… Я слышала из разговора одного из

своих читателей, что существует болезнь под названием «рассеянный склероз» – она поражает отделы головного и спинного мозга, нарушая нервные связи – на компьютерных снимках видно, как пораженные участки образуют белые пятна, провалы, – мозг умирает. Мне кажется, я сейчас так же проваливаюсь – минус сто пятьдесят четвертая страница, минус сто семьдесят шестая… Говорят, когда человек чувствует, что теряет сознание, то краешком еще не покинувшего его сознания он пытается снова «вынырнуть на поверхность», зачитывая вслух строки из стихотворений, повторяя раз за разом определенную улицу и номер дома. Может, и у меня получится?... Попробую: Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. – Кити видела каждый день Анну, была влюблена в нее и представляла себе ее непременно в лиловом. – Вронский никогда не знал семейной жизни. – Анна – Вронский – Кити – Левин – Долли – Стива – … Боже, оставьте мне хоть одну строчку…

* * *

Здравствуйте, я папка для бумаг. Многие говорят, что я похожа на обложку книги, но я им не верю. А вы?..